

Александр Ралов
Перстень
Вандеи

Александр Ралот

Перстень Вандеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305670

ISBN 9785448390432

Аннотация

Это мой второй полномасштабный сборник исторических рассказов. По сложившейся традиции я включил в него произведения, описывающие события разных эпох и лет. От Сократа до наших дней. В отличие от предыдущего сборника, эта книга включает в себя серию рассказов под общим заголовком «Писатель о писателях», а также несколько загадок из моей обширной коллекции. Буду очень рад вашим откликам. Мой адрес: raw1@qip.ru. Искренне ваш Александр Ралот.

Содержание

Пейзажи из слов или как разгадать тайну	5
Перстень Вандеи	8
Марфа	24
Глава 1	24
Глава 2	28
Глава 3	33
Глава 4	38
Дело табак	42
Жизнь и смерть купчихи Симоны Демьяновны	49
Деманш	
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Перстень Вандеи

Александр Ралот

*Моей супруге Ольге, моему сыну Сергею, моей
дочери Дарье с благодарностью за помощь в
создании этой книги.*

Корректор Екатерина Викторовна Герасимова

Фотограф Сергей Александрович Петренко

© Александр Ралот, 2017

© Сергей Александрович Петренко, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-9043-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пейзажи из слов или как разгадать тайну

В очередной раз, создатель этой книги Александр Ралот, радуется нас своим безупречным творчеством. Перстень Вендеи носила на своей руке одна, очень известная русская поэтесса. Необычайную судьбу этого ювелирного украшения автор представляет на суд своих читателей в первом произведении вошедшем в данный сборник. Большинство рассказов книги открывают новую серию, которую я бы условно озаглавила так-«Писатель о писателях».

За каждой строкой нового сборника обязательно кроется необычная малоизвестная или совсем неизвестная история. Она может быть простой, но чаще всего – это целый мир созданный людьми и обстоятельствами. На мой взгляд Александр Ралот один из лучших прозаиков нашего времени. Его рассказы и загадки переносят нас в былинные и не очень далёкие времена, открывают завесу тайн, которые обязательно помогут читателю лучше понять события нынешних дней.

В маленьком рассказе «Пекарь Кютинен и его совесть». Меня поразило то, что наши предки, живущие в страшное лихолетье, не бросали порученное им дело. Оставались на рабочих местах даже во время вражеских артобстрелов и авиа ударов. Жители блокадного Ленинграда отлично по-

нимали свою важность своей работы. Финн по национальности пекарь Кютинен Даниил Иванович, умер от истощения на своём рабочем месте. Упал рядом с печкой, в которой в это самое время выпекался живительный хлеб. Но как же это могло произойти, спросите Вы? Ответ очень простой, человеку не позволила совесть есть хлеб в то время, когда за нашу землю проливалась кровь тысячи голодных солдат и матросов. В последние минуты своей жизни он думал людях, которых необходимо кормить и которым нужны силы для битвы с врагом. В этой книге вы найдёте и совсем иных персонажей. Так например очень интересный и познавательный рассказ «Монеты Саргиджана» повествует о конфликте между известным советским поэтом Мандельштам и Амиром Саргиджаном. Не могу не упомянуть и о ещё одном произведении – «Размышление в художественном музее или последняя атака в конном строю», которое раскрывает само сердце моей родной Кубани. Воспеваает силу казаков, не знающих страха перед врагом. Я особо благодарна автору за рассказ – «Пластуны». Фразу – ползти по-пластунски, наверняка знает каждый. А вот кем они были на самом деле, мало кому известно.

В завершении хочу отметить, что современная проза очень сложный литературный инструмент и без большого литературного таланта хорошую, качественную книгу, такую как эта, уж никак не создать!

Член Южно-Российского творческого объединения «Серебро слов». Победитель краевого конкурса – Эхо Войны. Алёна Дручевская (Покатилова).

Перстень Вандеи

Давно канули в лету те времена, когда мы с супругой делали друг другу неожиданные милые подарочки-сюрпризики, кладя их под Новогоднюю ёлку. Тридцать пять лет совместной жизни безжалостно накладывают на членов семьи определённые отпечатки. Нет, нет, Вы не подумайте, что мы совсем перестали дарить подарки. Без этого и праздник не в праздник. Но теперь это уже солидные такие предметы, можно сказать, «подарища», и получает их, конечно же, моя ненаглядная. А по сему без её предварительного одобрения из семейного бюджета не будет выделена соответствующая кругленькая сумма. Ты, читатель, возмутишься и скажешь, что так нельзя. Подарок должен быть приятным и долгожданным. Так-то оно, конечно, так, только вот сколько подарков оказываются в итоге – долгожданными и приятными? Уверяю тебя, совсем немного. Ждёт, к примеру, вторая половинка новомодный навороченный гаджет, а получает набор банальной парфюмерии или, к примеру, шарфик, который ну совершенно не подходит ни к одному, имеющемуся в наличии платью или костюму. Дабы избежать подобного конфуза, мы со своей благоверной сидим на кухне за чашкой ароматного зелёного чая с жасмином и внимательно изучаем солидный каталог ювелирных изделий.

– Дорогая, как тебе вот этот кулон с камушком? По-мое-

му, он очень подойдёт к цвету твоих глаз.

– Ну-у-у-у, нет. Кулон у меня уже есть, и не один. Давай лучше посмотрим колечки.

– Так у тебя и колечки есть. По количеству примерно совпадают со всеми пальцами обеих твоих рук, включая большой, – опасно иронизирую я.

– Ты мне ещё поговори. Враз без ужина останешься. Вместо него мы быстренько начнём ревизию и пересчитаем количество твоих смартфонов, планшетов и прочей компьютерной живности.

– Хорошо, хорошо. Колечки, так колечки, – прекращая на корню ненужный спор, соглашаюсь я и открываю каталог на нужной странице.

На минуту жена замирает, внимательно рассматривая фотографии.

– Нет, ну ты посмотри на это! – поднимая голову, восклицает она. – Везде, понимаешь, подлинники, а это копия.

Она тычет пальцем в альбом. – И как им не стыдно выставлять на продажу копию.

«Перстень Вандеи» (копия), – читаю под фотографией.

Моя ненаглядная тем временем уже роется в недрах всемирной паутины, по всей видимости, отыскивая ту самую загадочную Вандею – владелицу подлинника.

– «Вандея – департамент на западе Франции», – вслух читает она. – Ничего не пойму, при чём тут перстень?

Я молча встаю и иду к книжной полке. Приношу ей томик

стихов Марины Цветаевой.

– Ты у меня точно останешься сегодня без ужина, – ворчит моя вторая половинка. Но, тем не менее, книгу открывает, пытаюсь найти ответ на свой вопрос именно там.

Поиски продолжались не долго.

– Так! Или ты сейчас же мне всё рассказываешь про этих чёртовых Вандеев или я категорически настаиваю на срочном приобретении вон того колечка с двухкратным бриллиантом! Понятно?

Выбора у меня больше не остаётся. Двухкратного бриллианта наш семейный бюджет совершенно не осилит. Ни к Новогодним праздникам, ни к каким-либо иным.

– Цветаева имеет к этому перстню самое прямое отношение, – начал я, отхлёбывая из пиалы уже порядком остывший чай.

Жена поднялась с места, включила чайник и молча ушла, требуя немедленных разъяснений.

– Бронислав Рейнгольд Владимир Сосинский-Семихат родился в семье инженеров выходцев из Венгрии, – продолжил я, жестом показывая супруге, что именно сейчас перебивать меня не стоит. – После революции служил в Белой армии и, что весьма важно, получил орден Николая Чудотворца из рук самого главнокомандующего генерала Вран-

геля. Затем вместе с остатками разбитого войска оказался в Константинополе. Через некоторое время эмигранты потянулись в Европу, а вместе с ними и Владимир Сосинский. Работал в типографии, в той самой, в которой до своей трагической гибели трудился Лев Седов – сын Троцкого. Начал печататься и сам. И, скорее всего, со временем стал бы заметным писателем в среде русской эмиграции тех лет. Однако жизнь свела его с великим гением. Сосинский имел честь быть представлен самой Марине Ивановне Цветаевой. Ему на тот момент стукнуло четверть века, и он считался женихом Ариадны – дочери хозяйки дома, в котором квартировала поэтесса. С этого момента его жизнь делает крутой поворот. До конца своих дней, а прожил он довольно долгую жизнь, Владимир Брониславович не уставал писать и повторять, что более гениального литератора, чем Цветаева, в XX-м веке просто не существовало.

Сосинский с утра до вечера носился по огромному городу, устраивая творческие вечера Цветаевой, отправлял с оказиями её рукописи Борису Пастернаку и так далее и тому подобное. В наше время, если хорошо порыться в чреве всезнающего интернета, то можно отыскать сканы мемуаров Владимира Брониславовича. В них тот упоминает, что его кумир просто обожала побеждённых. Не раз повторяла, что из истории великой французской революции ей наиболее симпатичен исключительно департамент Вандея. Именно он остался верен королю и, конечно же, был безжалостно

разрушен революционерами. Сотрудничала женщина, вместе со своим мужем, с редакцией журнала «Вёрсты». Издавался в то время в Париже и журнал-антипод под названием «Новый дом». Там вершили дела такие известные личности, как Гипиус, Мережковский и даже сам Ходасевич. Так вот, секретарь этого журнала по фамилии Злобин взял да и опубликовал в очередном номере разгромную рецензию на материалы, публикуемые в «Вёрстах». Досталось в этой статье и Марине Цветаевой.

Спустя некоторое время, в Париже состоялся вечер Союза молодых писателей. Сосинский сам не печатался ни в одном из этих журналов, но он горел желанием заступиться за честь дамы, творчество которой было для него вне всякой критики. Несмотря на возражение председателя, Владимир буквально ворвался на трибуну и со всем своим красноречием обрушился в адрес критика Злобина, досталось от него и всей редакции журнала «Новый дом». В зале поднялся невероятный шум. Ещё минута-другая и литературная богема, разделившись примерно пополам, перешла бы от словесной перепалки к банальной драке, бессмысленной и беспощадной. Но председатель не растерялся. Он оказался на высоте. Взял да и выключил в зале свет. Разгорячённым литераторам ничего не оставалось делать, как ворча друг на друга, чертыхаясь в темноте, покинуть помещение.

Прошло ещё несколько дней. И вот на одной из городских улиц сотрудник «Нового дома», критик и поэт Юрий Тера-

пиано, прилюдно отвесил Сосинскому смачную оплеуху. Завязалась драка. Разгорячённых литераторов, конечно, разняли, но Владимир пообещал отомстить, и слово своё сдержал. На следующий день в дом, где проживал Терапиано, было доставлено письмо. В нём лежал листок – вызов на дуэль. Но обидчик и не думал принимать вызов. Он не ответил ни на это письмо, ни на кучу следующих. Вызовы на поединок поступали в почтовый ящик Терапиано с завидной регулярностью. Критик как в рот воды набрал. И тогда Владимир Сосинский прилюдно заявил, что будет банально избивать человека, отказавшегося от честной дуэли, в любом месте, где с ним пересечётся. Драки между оппонентами случались не раз. Однажды сцепившихся литераторов пришлось разнимать французским полицейским.

– А что же Цветаева? Как же она относилась ко всему этому? – Супруга наполнила мою пиалу жёлто-зеленым напитком.

– Не лично, при очередной встрече, а через третьих лиц она прислала своему заступнику-рыцарю необычный подарок, – благодарно кивнув, продолжил я.

В свёртке находилась поэма, переписанная автором собственноручно, четверостишие и... маленький серебряный перстень с гербом Вандеи. Да, да с гербом той самой провинции, не желавшей покоряться революционерам.

Время неумолимо несло вперёд. Поэтесса вернулась на свою Родину. Началась Вторая мировая война. Сосинский добровольцем вступил во Французский Иностранный Легион, отчаянно воевал с оккупантами. В одном из боёв его тяжело ранили, и он попал в плен. Целых три года провёл в Германии, в концентрационном лагере под Потсдамом, но затем сумел вырваться на свободу. Вместе со своими друзьями перебрался на остров Олерон в Атлантическом океане. Именно там немцы строили мощнейшие защитные укрепления, готовясь противостоять возможному десанту англо-американских войск. Владимир Брониславович несколько раз доставлял на материк членам французского Сопротивления важнейшую информацию о строительстве оборонительных сооружений на острове. Я не исключаю, что, возможно, благодаря этим сведениям французским партизанам удалось организовать самый крупный на территории страны подрыв боеприпасов противника. А когда союзники все-таки высадились на Олероне, Сосинский немедленно оказался в их рядах, за что и был награждён высшей военной наградой Франции – Военным крестом. Советское правительство также не осталось в стороне и удостоило нашего героя медали «За боевые заслуги». Позже награждённый шутил:

– Как странно смотрятся на моей груди орден от генерала Врангеля, крест, вручённый генералом де Голлем и медаль от правительства Советского Союза.

Спустя два года ему вручили советский паспорт, правда, без вида на жительство в СССР! И пригласили на работу в Организацию Объединённых Наций в качестве переводчика и редактора стенографических отчётов. Несмотря на приличный заработок и возможность печататься в самых популярных литературных изданиях, Сосинский тосковал по Родине и наконец-таки в 1960 году перебрался из Нью-Йорка на постоянное жительство в Москву. На своих творческих вечерах он цитировал произведения и произносил вслух такие имена и такие фамилии, от которых администраторы и организаторы просто впадали в ступор; давал почитать молодому поколению советских литераторов книги, которые каким-то чудом или по чьему-то головоупяцству смог доставить в Советский Союз из далёкой Америки; и, конечно же, не мог не знакомить людей с неопубликованными произведениями и письмами обожаемой Марины Цветаевой. Удивительно, но за всё это Владимира Брониславовича не посадили и даже не упрятали в психушку. Однако назад за границу уже не выпускали. Он стал обычным советским невыездным. Так продолжалось долгих шестнадцать лет.

Наконец Сосинский добился своего и опять оказался в Париже. Пожилой человек целыми днями бродил по улицам и встречался с теми, кого знал по годам своей молодости. И однажды в одном маленьком кафе столкнулся с Юрием Терапиано! Старики смешить немногочисленных посетителей не стали и на этот раз драку не затеяли. Взяли по бо-

калу бургундского и, как ни в чём не бывало, предались воспоминаниям.

– Так почему же Вы, чёрт вас подери, не приняли полвека назад мой вызов на дуэль? Могу я хоть сейчас это узнать? – рассматривая на свет бокал с вином, произнёс Владимир Брониславович.

– Можете, – повторяя жест своего собеседника, спокойно ответил Терапиано. – Мне это категорически запретил делать один очень уважаемый человек, и Вы его хорошо знаете. Он замолчал. Пригубил вино.

– Так назовите его или я посчитаю всё Вами сказанное плодом Вашей фантазии, – начал горячиться Сосинский.

– Пожалуйста. – Это Владислав Ходасевич. Он тогда сказал мне: «Стреляться в эмиграции двум русским литераторам! Мы с большим трудом вывезли из нашей многострадальной Родины великую Русскую культуру, и каждый из нас просто обязан её сохранить. А Вы хотите банальным образом уничтожать друг друга. Не бывать этому! Просто не имеет права русский стрелять в русского здесь, в Париже, на потеху местным обывателям». Вы удовлетворены моим ответом?

Владимир Брониславович молча кивнул головой.

– А перстень, что с ним стало? – прервала мой монолог супруга. – В каком музее он сейчас хранится?

– Не беспокойся, дорогая. Он цел и невредим. Перстень Владимир Брониславович хранил пуще глаза своего. А затем, когда пришло время, передал сей ценный подарок

преданнейшему почитателю творчества Марины Цветаевой Льву Абрамовичу Мнухину, известному московскому литературоведу, историку литературы, библиофилу и писателю.

Жена закрыла каталог и отложила его в сторону.

– А знаешь, давай не будем покупать ничего ювелирного.

Лучше потратим деньги на поездку.

– Во Францию в департамент Вандея или в Париж? – с тайной надеждой уточнил я.

– Нет, дорогой мой. Не во Францию и не в Париж. На этот раз мы поедem в Анапу. Будем смотреть на зимнее море и гулять по пустынному пляжу. А потом отправимся в местную библиотеку. Моя знакомая утверждает, что там имеется великолепная подборка сочинений поэтов и писателей Серебряного века.

И не забудьте принести Асклепию* в жертву петуха

Житель Афин по имени Критон сделал знак рабу, стоявшему поодаль. Тот, поняв намерение хозяина, с поклоном удалился. В помещении было довольно много людей. Все молчали и смиренно ждали. Раб отсутствовал долго и вернулся не один. За ним следовал охранник. Приговорённый даже не повернулся. Он, сложив руки за спиной, стоял и смотрел в окно. Сократ любовался видом безбрежного моря.

– Пора! – вошедший протянул узнику сосуд.

– Это то, о чём я думаю? – философ взял кубок.

– Да. Это твой выбор! – ответил Цикута.

– В таком случае ты обязан рассказать мне, что с ним делать. Сократ хотел поставить сосуд на стол, но передумал и держал его в своих руках.

– Ты же понимаешь, что я сам напиток этот никогда не пробовал. Только поэтому сейчас и разговариваю с тобой. Но я расскажу, как с этим поступали другие, побывавшие в этой комнате, до тебя. Испей, то, что тебе судом определено, затем ходи по комнате из угла в угол, до той поры пока не настанет сильная тяжесть в ногах. Тогда опустишь на это ложе. Уверяю, с него ты уже больше не встанешь. Пока голова твоя будет в состоянии рождать мысли – воздай должное нашим богам. Благодарю их неустанно за переселение души в царство мёртвых. Да будет твоя дорога в земли Аида лёгкой. Скоро тебе представится возможность узреть Тартар и любоваться подземельями, куда великий Зевс низвергнул Кроноса и титанов.

– В таком случае отвечай: позволишь ли ты моим друзьям остаться здесь подле меня до последней минуты? Я поведаю им то, что увижу по дороге в Аид.

Охранник на мгновение задумался. Он хотел было ответить отказом, но потом со всей решительностью произнёс:

– Ареопаг, состоявшийся на холме Ареса, ни словом не упомянул в своём решении о твоих друзьях. Следовательно, они могут оставаться с тобой сколь угодно долго. Однако и я в таком случае останусь здесь. Ибо моё предназначение

следить за порядком. И я обязан это делать.

Сократ, ещё раз посмотрел на кубок. Потом с улыбкой протянул его одному из своих друзей. Тот, выставив перед собой руки, отшатнулся.

– Не бойся, этот эликсир предназначен исключительно для меня. Как, по-твоему, друг мой Денсий, могу ли я сим напитком сделать возлияние кому-нибудь из наших великих богов или нет?

Однако за Денсия ответил Критон.

– Сократ, тебе ведь известно, что специально назначенные судом люди изготовили жидкость ровно в том количестве, которое тебе надобно выпить. Пей скорее. Смотри сколько народа желает видеть, как ты это сделаешь.

Все молча смотрели на философа. А он предался воспоминаниям. Перед глазами предстали Отец каменотёс и скульптор Софриниск, мать – известная повитуха Фенарета.

Вспомнил, как защищал афинских стратегов, осуждённых на смерть судом несправедливым, предвзятым. Перед его глазами предстал полководец Алкивиад, наставником которого он был долгие годы.

И даже спас ему жизнь в одном из боёв. Враги спартанцы хотели своими копьями добить раненого Алкивида, но то-

гда Сократ при помощи своей огромной дубины смог победить известных всей Греции воителей. Спустя несколько лет жестокий полководец, оправившись от ран, захватил власть в Афинах и установил диктатуру.

Теперь бывший наставник выступал на площадях с речами против тирании бывшего ученика. Мало этого он лично саботировал все указы диктатора. Словом и делом подчёркивая неприятие такого способа правления. В итоге Алкивид был свергнут, так как некогда преданная ему армия разбежалась и обрекла своего полководца на верную гибель.

Но Сократ уже во второй раз спас ему жизнь. При этом прекрасно понимая, что смерть бывшего диктатора пошла бы на пользу родному городу, дорогим сердцу Афинам.

Вспомнил, как его при большом стечении народа провозгласили Дельфийским оракулом, что означало – мудрейший из людей, на земле живущих. Как он размышлял об этом звании.

Убеждал себя и других, что «знает лишь то, что ничего не знает».

Именно этот девиз и делает мудрых – мудрейшими! Ибо познание есть изменение степени собственного незнания. Вспомнил пророческие слова высеченные строителями на входе в дельфийский храм Аполлона: «Познай самого себя».

Взгляд его упал на сосуд с Цикутой. Немного взболтав жидкость Сократ спокойно и легко выпил чашу до дна. На глазах присутствующих заблестели слёзы.

– Ну, ну, не стоит так уж сильно горевать, – обратился он к друзьям.

– Умереть, на мой взгляд, означает одно из двух: перестать быть чем бы то ни было. Поскольку умерший человек не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было.

Или же второе: осуществить переход своей собственной души в другое место...

Философ стал расхаживать по комнате, как велел слуги-тель.

Мысли перенесли его в Ареопаг.

Философа судила галиэя** состоящая из пятисот одного человека. Всех их выбрал слепой жребий. Такой способ позволял исключить какой-либо подкуп. В Ареопаг всегда выбирали нечётное количество судей. С тем, чтобы голоса при вынесении вердикта не распределились поровну. И обвинение и, конечно, обвиняемый получали абсолютно равное время. Его точно отмеряли водяные часы – клепсидры. В том случае, когда в ходе процесса требовалось огласить документ, водяное время останавливалось. Специальный человек, также выбранный жребием, просто затыкал пробкой трубку.

Афинянин Мелит, называвший себя поэтом, на город-

ской площади громогласно предъявил обвинение Сократу. Он кричал, что философ не чтит афинские законы. А именно, учение преподаваемое им нарушает благочестие, и главное отрицает афинских богов, провозглашая взамен их новых. Тайный же мотив обвинения состоял совсем в ином. Ироничные, умные и порой весьма резкие высказывания Сократа ставили под сомнение саму афинскую рабовладельческую демократию.

Вердикт был вынесен 280 голосами, против высказался двести двадцать один человек. Процесс мог посетить любой афинянин или приезжий, в любой день. Демократия.

Денсий приблизился к философу.

– Сократ мы ведь готовили тебе побег, но ты отказался. Хоть перед смертью скажи, почему?

– Друг мой, пойми. Я полностью подчиняюсь закону. А побег есть ни что иное, как насилие над ним. Надеюсь, тебе это понятно.

Ноги мои уже отяжелели. Если вы, мои друзья, позволите, я лягу на этот топчан и закутаю их тканью.

Надзиратель наклонился над философом и сильно сжал стопу Сократа.

– Чувствуешь ли ты боль?

Сократ отрицательно покачал головой.

Критон также подошёл к умирающему. Он стал давить ногу, поднимаясь выше и выше, наконец добрался до бёдер.

– Его тело уже холодеет и цепенеет, – сообщил он присутствующим. – Однако смерть наступит лишь тогда, когда яд дойдёт до самого сердца.

Внезапно Сократ широко открыл глаза и громко произнёс:
– Критон, я должен Акклепию петуха. Не забудь. Ибо бог во всём этом совершенно не повинен.

** Акклепий – бог медицины и врачевания.*

*** Галиэя – Афинский суд присяжных*

Марфа

Глава 1

С Ильмень озера дул холодный ветер. Разношёрстный народ, собравшийся на площади кутался кто во что горазд. Людишек позвал сюда, на Великую городскую площадь, звук вечернего колокола. Супротив древних хором князя Ярослава стояли, образовав кружок, городские посадники, бояре в высоких шапках, тысяцкие да старосты со всех окраин города.

Народ рангом помельче волновался в другой стороне, время от времени крича, что пора бы и честь знать. Скока можно честной люд томить. Коль ударили в набат, так открывайте вече. Наконец, знатный горожанин по фамилии Дельский, споро взбежав на лобное место, как и положено, поклонился на все четыре стороны. Достал из-за пазухи бумагу. Кивнул звонарю, чтобы тот угомонил свой колокол. Площадь разом притихла.

– Слушай меня, горожане. Князь Московский боярина в наш город снарядил. Да не кого-нибудь, а самого Холского, почитай свою правую руку, так-то вот. Следовательно, с большим уважением к нам, вольным горожанам, требования свои выдвигать станет.

– Так что же Иоанну Московскому от нас требуется-то из-

вестно? – выкрикнул стоящий подле постамента купец в пурпурном кушаке. Под него почитай вся православная Русь легла, неужто ему мало. Никак землёй да людишками славянскими не насытится.

– Ты язык-то свой укороти, пока тебе его другие не поубавили, – резко оборвал его Дельский.

– Тут не орать надобно, а думу великую думать. Сведущие люди грамоту Иванову переписали, да наперёд гонца княжеского в Новгород доставили.

– Так читай, чего томишь?! – заорали на Дельского со всех сторон. – С того и начинать надобно было.

– Про то, как бумага сия в мои руки попала, сказа не будет. То не вашего ума дело. Но голову даю на отсечение, что писана она в точности с Иоанновой грамоты.

На площади повисла тишина. Все слушали, затаив дыхание.

«Народ и граждане Новгородские! Я, великий князь Московии и многих других земель русских, всею своею душою и умом тако же понимаю, что разделение государства нашего есть причина бед оного. А посему решил я, соединить все княжества под своею державою. И не остановлюсь, не завершив великое дело это. Иначе совсем скоро сокрушат нас иноземцы поганые и иго своё над народом православным установят. А вы, новгородцы славные, ответствуйте посланцу моему верному – государю русскому повиноваться станете или ироду иноземному? Мир вам надобен или война? Ре-

шайте скоро».

Оратор закончил читать бумагу и споро покинул лобное место. Народ новгородский молчал. Вдруг откуда-то разда-лось:

– Марфу! Марфу слушать станем. Пусть выйдет. Глаголит.

Из толпы вышла женщина и с большим достоинством, величаво взошла по железным ступеням. Молча стояла и смотре-ла на людское море. На глазах её блестели слёзы.

– Говори, коль уж вышла. Не молчи! – закричали снизу. – Будем тебя слушать. И она произнесла:

– Жена по токмо по просьбе вашей дерзает говорить здесь, на вече! Потому как родилась я не где-нибудь, а в семье во-инской. И отец и супруг любимый сложили головы свои, сра-жаясь за город наш вольный. Горожане мои родные, и у меня и у вас есть право защитить вольность свою! А как же иначе!

Марфа замолчала, но с места не сошла. Ждала, когда на-род успокоится и на площади наступит тишина. Затем про-должила.

– Вы, горожане, не хуже моего знаете, что город наш сыт и благолепен. Купцы заморские правду глаголят: «Мы весь мир объехали, но краше Новгорода не видали!»

Так сказывайте мне, горожане, – счастливы или нет? Да, Русь наша великая ноне бедствует. Земли нашей матери ро-дины обагрены кровушкой, то правда. Сёла и грады опусто-шены и разорены полностью. Однако есть в том вина наша?

Повинны новгородцы, что дерзнули не участвовать в междоусобных войнах княжеских?

Князь московский Иоанн теперича желает повелевать вами и градом нашим великим.

Новгородцы родимые! Давайте тут, не сходя с этого места, решим для себя: что мы любим? Злато, серебро и негу всякую, али добродетель и славу воинскую? Ежели второе, то скоро колокол наш вечевой ударит. И битва нам предстоит. За то, чтобы не настал последний час нашей вольницы. Потому как без свободы не будет у нас и богатства. Померкнет слава града великого, вольного. И будет судьбы ваши решать наместник, Иоанном присланный.

Тысячи глоток разом возопили «За отечество! За град наш вольный умрём! Война, война князю московскому!».

Глава 2

Вечером того же дня Марфа принимала в своих каменных палатах посольство знатных горожан.

– Да поймите же, наконец, люди добрые. Долгое время была я всего лишь жёнкой верной супругу моему Исааку Борецкому, вами же выбранному в городские посадники. Аль позабыли это?

Многие лета жила я за ним, аки за каменной стеной, счастливо да богато. Детишки наши один за другим нарождались. Что ещё русской бабе надобно, для счастья полного? Однако же город наш славный раз за разом манил богатством своим захватчиков из разных земель. Кого вы поставили во главе войска Новгородского? Мужа моего, вот кого. Как он оборонял границы княжества, а? Хоть один из вас сможет сказать против Борецкого слово поганое? Нет, не можете, то то же. Сгинул сокол мой ясный, пал славный защитник земли новгородской. Однако, отправляясь в свой последний поход, взял он с меня клятву, что в случае его гибели именно я заменю мужа своего в Совете старейшин. С той волей его вече наше новгородское согласилось. Поворчали людишки наши, пошушукались, но одобрение своё выкрикнули. Завтра, как только тьму ночную дневной свет сменит, поеду я к деду своему, благочестивому Феодосию. Семьдесят годов служил он городу нашему верой и правдой, лишь после того, как совсем

немошен стал и меч поднять более не мог, удалился от мира суетного в чашу дремучего леса. Но умом он ещё вполне крепок, буду совета у него просить. Вам же сейчас представляю юношу доброго, ума и силы великой, хотя и безродного. Молодой муж сей сирота в мире нашем. То и хорошо. Ибо известно всем, что господь наш любит сирых! Испытайте его завтра в делах ратных, да благословите на брань великую. Сдаётся мне, витязь Мирослав ещё новгородским воеводой станет. Вот попомните моё слово.

Выслушав хозяйку дома, и почесав свои затылки гости стали прощаться.

– Архиепископ Пимен, прошу тебя, задержись малость. – Марфа смиренно склонила голову перед церковным наставником. – Я сейчас провожу гостей знатных и слово важное тебе молвлю. Уж не кори меня за дерзость.

– Отче, выслушай меня, грешную. Чую я, беда большая ждёт Новгород. Всё может статься. А посему хочу я дочь свою Ксению за витязя Мирослава выдать. Пока ещё мир на землях новгородских царствует, сделай милость, соверши венчание пары сей в Софийском соборе. Подари дому нашему радость, хотя бы кратковременную. Даст бог, до начала сечи великой успеют у меня внуки народиться.

Прошло несколько дней. В разных концах города с утра

до вечера раздавался звон металла, кузнецы без устали ковали оружие. Но великий Новгород не только готовился к сражению. Повсюду можно было увидеть людей в своих лучших одеждах. На Великой площади по воле посадницы были накрыты многочисленные столы для всех жителей Великого Новгорода. Вечевой колокол звонил неустанно. На этот раз его голос созывал всех на торжество. Нанятые люди без устали подавали многочисленным гостям яства роскошные. Мирослав и Ксения ходили от стола к столу и просили граждан веселиться. Глядя на этот знатный пир, горожане думали, что войска Иоанновы не так уж и страшны. Незаметные люди, перемещаясь от стола к столу и подливая в кувшины и кружки напитки хмельные, сказывали байку о чудесном рождении Марфы. Будто бы рождена была посадница в разгар сечи, на которую достойнейшая матушка посадницы прискакала, чтобы именно там произвести на свет достойнейшую дочь свою! Будущую правительницу вольного града!

Казалось, что все горожане в одночасье стали одной семьей, а Марфа стала их общей матерью.

Женщина в эти дни ни на минуту не забывала и о делах политических. Она прекрасно видела слабые стороны в обороне города. А посему практически сразу после того памятного вече отправила гонца к соседям в Псков с просьбой о помощи, не преминув напомнить им, о том, сколько раз псковичане пользовались благосклонностью новгородцев.

Давеча гонец доставил ответ. Псковичи умирать за Нов-

город не желали. Писали, что у князя Иоанна, рать великая, непобедимая. После чего шёл длинный перечень советов новгородцам и пожелания удачи Господину Великому городу. Она с негодованием разорвала ответ соседей, после чего на маленьком клочке начертала ответ: «Добрым вашим пожеланиям нисколько не верю. Советам присланным – грош цена в базарный день. И без войска вашего позорно обойдёмся. Своими силами князя московского одолеем, непременно».

Кликнула глашатая.

– Спешите на площадь. Денно и ночью вещай следующее:

«Новгородцы, вооружайтесь, кто чем может. Провиант достойный копите. Иоанн уже спешит к великому граду нашему с войском своим. Не дайте врагу застать себя врасплох».

Новгород притих. Смолки многочисленные гуляния. Пусто было в кабаках русских и в тавернах, купцами заморскими открытыми. Гнетущая тишина поселилась на улицах великого града. Гул человеческих голосов не был слышен даже на причалах и пристанях. Только кузнецы продолжали делать своё нужное дело, да пекари не отходили от печей своих жарких, хлеба заготавливая впрок. В многочисленных церквях и храмах, не запиравших свои двери на ночь

с утра до глубокой ночи, шли бесчисленные службы. Духовные люди перестали снимать свои ризы. Перед образами святых не оставалось места для свечей. То с одного конца города, то с другого ветер доносил обрывки нескончаемых молебных песнопений.

– Матушка, к тебе гонец от круля Казимира. Велишь принять?

Марфа отошла от окна, еле заметным движением смахнула с лица слезу, молвила: «Зови, коль приехал».

Разодетый в пух и прах гонец польского короля, склонившись в почтённом поклоне, протянул Марфе свиток.

Посадница, подойдя к окну, мельком взглянула на послание.

Служка, тихо сидящий в углу комнаты, опустил отточённое перо в чернильницу и достал чистый лист бумаги.

– На словах Казимиру польскому передай. Неча нынче бумагу марать. Всяка вещь свою цену имеет. Так вот, скажи ясновельможному крулю:

«Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей». Всё. Более мне сказать нечего.

Она повернулась к окну, всем своим видом показывая, что более иноземного гонца не задерживает.

Внизу на площади строились в походные колонны ратники.

Глава 3

Потянулись тягостные дни. Посадница велела храмы города на ночь по-прежнему не затворять и беспрестанно слушать молебны во имя победы войска новгородского. Марфа без усталости ходила по мастерским, лично проверяя работу ремесленных цехов, при этом была всегда весела и уверена. Дочь Ксения ни на шаг не отступала от матери, повсюду следуя за ней.

От Мирослава гонцы доставляли короткие весточки. Потом их заменили устные сообщения: «Сражаемся!» «Воюем!» «Тяжело очень!»

Сердце Марфы болело нещадно. Она предчувствовала страшную беду. Более уже не ходила по городу. Сиднем сидела в своих палатах. Наконец её позвали на площадь.

– Погибли ли дети мои?

– Оба, – отвечивал посланец.

– А муж дщери моей любимой?

– И он тоже.

– Хвала небу! Отцы и матери новгородские! Теперь я могу утешать вас! Как аки ровня ваша!

Войско втягивалось в город. Баталия была проиграна.

Московский князь одержал победу.

На колеснице, покрытой знамёнами ратными, доставили тело погибшего Мирослава. Израненные воины сказывали о жестокой битве. Закалённые в прошлых сражениях ратники поведали горожанам, что никогда ранее не видали такого. «Страшнее всего то было, что рус против руса стоял! И славные воины с обеих сторон, живота своего не жалея, доказывали друг дружке, что они и есть славяне православные! В том самая главная злоба братской баталии!

Жители города пребывали в полной растерянности. Далее воевать, аль покориться? Только посадница была тверда. Ей более не было пути назад и она с удвоенной энергией стала убеждать своих сограждан.

– Матушка, так ведь не сдюжим. Вон за князем московским какая силища стоит. Помрём все. Толку-то от этого! – кричали ей новгородцы на вечевой площади.

Слушая эти слова, Марфа решила послать к Иоанну гонца. Посулила князю московскому выкуп великий. Сообщала, что готова отдать все богатства новгородские.

Ответ пришёл скорый и вполне ожидаемый.

«Покорность без условия или гибель мятежникам!»

– Как принял вас князь? – спросила Марфа посланников.

– С великим гневом отринул, – ответствовали они.

Ни минуты не мешкая, посадница поспешила на площадь. С трудом перекрикивая шум людского моря, прочла собравшимся ответ князя московского.

– Может быть, вы, вольные новгородцы, сожалеете, что не преклонили колена свои перед князем Иоанном? Если да, то открывайте ворота и зовите слуг его. А я тут же, не сойдя с этого лобного места с превеликой радостью положу голову свою на плаху московского палача.

– Нет, нет! – кричали в едином порыве мастеровые, купцы и знатные горожане.

– Лучше все как один помрём, но только с тобою, матушка!

– Тогда слушайте моё слово. Сдаётся мне, что князь московский более не одолеет нас в открытом и честном бою. Но и нам его не осилить. А посему, славные новгородцы, готовьтесь к осаде великой, укрепляйте стены, запасайтесь хлебами.

Молите Господа нашего, чтобы послал нам силы пережить времена сии тяжкие.

После этих слов Марфа покинула город. Её искали, но не нашли.

Однако через день посадница вернулась, да не одна. Она привела в Новгород пустынника Феодосия, доселе жившего

отшельником в лесных чащобах на берегу озера Ильмень.

– В счастливые дни, Великий Новгород, я смиренно молился о твоём благополучии в пустыне. Однако ноне мои горожане, мои братья гибнут. Значит, место моё ноне здесь, подле вас, – глаголил с лобного места старец.

В ответ на эти слова горожане дружно выкрикнули Феодосия посадником. Марфа стояла подле Феодосия и улыбалась. Впервые за много дней. Она не ошиблась в новгородцах и одержала, хоть маленькую, но победу.

Толпа бросилась к старцу, чтобы приложиться к его руке. Со стороны казалось, что большая и дружная семья вдруг разом обрела своего, много лет отсутствовавшего отца.

Московская дружина плотным кольцом окружила великий город. Марфа оказалась права. Началась длительная осада. Иоанн более не желал отправлять на гибель своих людей. Город штурмом не брал. Но доставку провианта в Новгород, как по суку, так и по воде перекрыл напрочь.

В некогда богатом хлебосольном городе еда закончилась. То там, то тут слышалось страшное слово – голод. Марфа убеждала горожан как могла.

– Вот погодите, родимые. Потерпите малость. Осень наша дождливая, да холодная уже не за горами. Москвичи треклятые разом сгинут в болотах наших непроходимых. Од-

нако в тот год осень выпала на редкость тёплая да сухая, дождей не было. Ранних морозов тоже. Подводы с едой и оружием для московского воинства приходили регулярно, без какого либо промедления.

Новый посадник Феодосий молился с утра до ночи. Марфа велела раздавать скудные пайки из своих собственных запасов. Пропадала целыми днями у могилы мужа, прося у него совета.

Глава 4

Первыми не выдержали бабы. Кричали, что нет более мочи слушать плач голодных детишек. Она хотела в очередной раз выступить с лобного места. Ударили в вечевой колокол. Однако, впервые за многие годы, её слушать не стали. Измученные новгородцы велели ей замолчать.

Марфа не ушла с помоста. Она прилюдно упала на колени перед голодной толпой и стала молить о последней и решительной битве. Некогда гордая и уверенная в себе правительница своим прилюдным унижением смогла-таки вызвать некоторое смятение у новгородцев. Однако измученные и голодные воины могли надеяться только на чудо. Увы, оно не случилось. Войска князя Иоанна тоже устали стоять под стенами древнего города. Всем им хотелось побыстрее оказаться дома. А посему дрались московиты с особым ожесточением и, конечно же, одержали победу, теперь уже окончательную.

Князь Иоанн во главе своей дружины въехал в поверженный город.

Новгородцы, собравшиеся на площади, безмолвствовали. – Вы же все русские люди, православные. Отчего объяв-

ляю всем вам, никакой мести от меня не последует.

От мятежного города мне потребна только одна жертва и вы все знаете, о ком я говорю.

На лобное место доставили Марфу.

– Подданной князя Иоанна не буду. Умираю гражданкою новгородскою!

Князь, не слезая с коня, жестом подозвал к себе воеводу.

– Вези её в белокаменную, там разберёмся. Да, ещё вот что: сбрось с колокольни этот колокол вечевой. Его тоже в Москву.

Толпа вытолкнула вперёд старца Феодосия.

Посадник кряхтя встал на колени, протянул князю серебряные ключи от врат вольного города. Слезы градом катились из глаз старца.

– Государь Новгорода теперича ты. – Он хотел ещё что-то добавить, но княжеская стража оттеснила его от Иоанна. После слов бывшего правителя города толпа сначала робко, а потом все громче и громче закричала: «Да здравствует великий князь всея России и Новгорода! Отныне и во веки веков судьба наша в руках твоих».

Служивые люди споро погрузили колокол на добротные сани. Множество народа из простолюдин и некоторые знаменитые граждане провожали его, сколько хватило сил. Их

не прогоняли. Новгородцы брели за санями безмолвно. Слезы текли у многих из них.

Встречный купец спросил одного из них:

– Хороните кого, что ль?

– Отца своего, – ответствовали из толпы.

– Ну что, друг мой верный Скулатый, мы с этой новгородской бабой делать станем? – обратился Иоанн к своему подданному.

– Дозволь слово молвить. – Скулатый почтительно склонился перед правителем.

– Я так меркую, постричь её в монахини срочно надобно. Да и вся недолга. Даже имя ей придумал новое – Мария. И пусть век свой коротает в монашестве в Зачатьевском монастыре.

– Я иное мыслю, – возразил Иоанн. – Уж больно много у неё сторонников в этом Новгороде осталось. Не ровён час мятеж подымут. Вольность свою никак позабыть не могут. Наклонись ко мне поближе и внимай, что тебе поручу.

– По дороге из Москвы в Новгород есть сельцо – Млеве зовётся. Это уже земля Новгородская. Желает почить в земле родной, так исполним её последнюю волю. Потом объявишь честному народу, что, мол, померла от тоски и печали. Ну, да не мне тебя учить. Ты у меня сам с усам. Всё. Ступай. Мне

сейчас послов иноземных принимать надобно.

Дело табак

Урядник Преображенского полка Петр Михайлов снимал похмелье при помощи местного алкоголя, именуемого виски, добавляя в него щепоть, другую крепкого индийского перца. Для русской души подобное пойло было зело как противно, но другого под рукой просто не было. Расторопный лакей, приставленный к царю, не преминул протянуть дорогому гостю заранее раскуренную трубку.

Одна, другая затяжка, и полегчало. Ум маленько прояснился. Правда во рту по-прежнему было дюже погано. Но это уже ничего. Это и перетерпеть можно.

Начал самодержавец российский покуривать тайком, ещё в Немецкой слободе на пару с тамошним начальником, швейцарцем Лефортом. Поначалу, это было и вовсе не курение, а так просто баловство малое.

Теперь же, когда царь изволил путешествовать в составе Великого Посольства, посетил страну Саксонию и увидел красивейший город на воде – Венецию, да пожив изрядное время в развесёлой Голландии, он уже конкретно подсел на это заокеанское изобретение. Ещё до того, как посольство добралось до туманного Альбиона к Петру Михайлову, то бишь к царю, (путешествующему «инкогнито») не раз подкатывали купцы английские, сулили деньги немалые за возможность поставлять в страну Россию табаки различные, да

трубки курительные из деревьев ценных пород изготовленные. Милостиво просили разрешить им торговать монопольно оным товаром на всех землях царю Петру подвластных.

Европа того времени изумлялась жизнестойкости английской экономики и всё возрастающему богатству казны островного государства. Сей факт и заставил царя Петра направить своё Великое Посольство через пролив Ла-Манш в страну оную.

Первые свои дни в Лондоне Петр с небольшой свитой поселился на улице Норфолк. По его велению дом для проживания выбрали маленький и скромный, однако с обязательным выходом прямо на берег реки.

Разузнав о месте пребывания государя российского, местные негоцианты продолжили свои попытки с удвоенным старанием. Правдами и неправдами доставляли в царскую опочивальню девок лицом смазливых, но обладающих нравом беспринципным. Банкетировали всю свиту посольскую изрядно, и раз за разом подсовывали разомлевшему от такого радушного приёма молодому Петру документ о монопольной торговле табаком и курительными принадлежностями.

Торговля этим заморским товаром занимала в те далёкие годы особое место в экономике Великобритании. Английские торговцы в огромных количествах вывозили табак из плантаций, расположенных в Виргинии и Мэриленде. Во второй половине семнадцатого века доход от этих торговых операций достиг 17,7 миллионов фунтов стерлингов.

Однако курительщики в самой Англии потребляли не более четверти от поставляемого количества. Всё остальное шло транзитом в другие страны. Но цены из-за всё возрастающей конкуренции постепенно падали. Именно поэтому изворотливые английские торговцы были крайне заинтересованы в новых рынках. Они полагали, что далёкая северная страна с её холодными зимами и бескрайними просторами, просто обречена стать новым, колоссальным рынком сбыта.

За всё время, проведённое в английской столице, Петр лишь раз посетил королевский Кенсингтонский дворец. Он продолжал скрываться под другим именем. Почти без сопровождения разгуливал по Лондону. Бродил по улицам даже в самые лютые зимние дни. Наведывался в мастерские и фабрики. Настоятельно просил, чтобы ему показывали работу всяких приспособлений. Пытался выкупить чертежи и технические описания. Заглянув в лавку местного часовщика, приобрёл там карманные часы и застрял на полдня. Стал

учиться разбирать, чинить и снова собирать механизм. В соседней лавке Петру понравились добротные лондонские гробы. Он тут же велел купить один и срочно доставить его в Россию, как образец для подражания. Купил чучела крокодила и меч-рыбы – ибо эти твари у нас ещё были не ведомы. Познакомился с конструктором яхты «Роял трэнспорт». Очень удивился тому, что корабел оказался молодым человеком из знатного рода, кроме того, большим любителем хорошенько заложить за воротник. Однако при этом был прекрасным мореходом и талантливым конструктором.

Благодаря ему Петр пристрастился к новому, полюбившемуся напитку – перцовке.

Совсем скоро выяснилось, что траты Великого посольства были просто огромными. Конечно, кое-что оплачивала принимающая сторона, то есть Английский король и казначейство. Но далеко не всё. Великому посольству срочно нужны были деньги. Много денег.

Это обстоятельство и сослужило толчком к подписанию принципиального соглашения о поставках английского табака в Россию. Сию бумагу подготовил лично Гилберт Хикок, член Совета директоров Британского банка и Ост-Индийской компании. Тем не менее лично Пётр её не подписал. Потребовал обговорить все детали. Документ отправили с первым кораблём в Амстердам к русским послам для рассмотрения и одобрения.

Казалось бы, мечты английских купцов становились реальностью. В конце концов, дав дополнительно ещё изрядное количество взяток нужным людям, они получили исключительные условия торговли и наконец смогли ввезти в Россию табак, аж на 4 миллиона английских фунтов. Однако спрос на вонючую продукцию был чрезвычайно мал. На Руси того времени крепко знали, что православная церковь считает табак «бесовским зельем», а слуги государевы в недалёкие времена за курение казнили насмерть, публично били розгами, прилюдно рвали ноздри, без всякой пощады отправляли провинившихся в далёкую Сибирь. Ещё были живы людишки безноздrevые, обитающие в необъятной сибирской тайге, пострадавшие за свою любовь к заморской дряни.

Английским негодьянтам в далёкой России пришлось подумать о том, как выпутаться из создавшегося положения.

Опять пришлось одаривать царских чиновников подарками, но уже с тем, чтобы им, во изменение подписанного договора, было разрешено ввезти во второй год не пять тысяч бочек табака, а вполонину меньше.

Персидское слово «Тebбах», что означает плохое, со-

мнительное, у английских купцов немного видоизменилось в произношении, но не по сути. Дело – табак, то есть убыточное, проигрышное.

Согласно заключённому договору, купцы не имели права вывозить из страны валютную выручку, то есть золото и серебро. Они были обязаны на вырученные от продажи табака деньги приобретать любые местные товары и уже их вывозить из России. Закупались меха, лес, икра и пенька для нужд английского флота. Однако у негоциантов постоянно возникали трудности с реализацией. Проблема заключалась в том, что купцы требовали беспощинного вывоза купленных товаров, но этот пункт в подписанном договоре отсутствовал. На английских складах в России скопились большие излишки.

С момента подписания договора прошло шесть лет. Торговля табаком постепенно сошла на нет. Традиционно нашу страну обвинили в несоблюдении требований заключённого соглашения. Но проблема была, конечно, не в этом. Через Нарву и строящийся Санкт-Петербург в Россию стал проникать контрабандный табак. Вдобавок ко всему, в скором времени, появился в продаже табачный лист, выращенный совсем рядом, в Черкассах. Конечно, качество южнорусской махорки было куда как хуже виргинского табака, но ведь

и цена была на порядок меньше.

Вовсю дымила махоркой и русская армия. Английские купцы однажды даже были арестованы, когда пытались продать свой табак солдатам и офицерам. Понятное дело, что вражеский товар был незамедлительно конфискован в пользу казны.

Пролетело ещё пару сотен лет. Но вот что я отыскал в нашей новейшей истории: «Международным валютным фондом в девяностые годы прошлого века России был дан кредит с секретным условием: во всех крупных и мелких городах России, в деревнях и сёлах, на всех автобусных, трамвайных и троллейбусных остановках, и у всех станций метрополитена должны быть установлены киоски, точки, магазинчики по продаже алкоголя и табака.

Жизнь и смерть купчихи Симоны Демьяновны Деманш

Я вам уже рассказывал в своих байках («Каа и бандерлоги») о моей учительнице русского языка и литературы Марине Александровне. Именно она в те далёкие шестидесятые годы прошлого столетия открыла для меня драматурга 19-го века Александра Васильевича Сухово-Кобылинына. Знакомила она нас с его произведениями весьма своеобразно. Организовала в нашей средней школе добровольно-принудительный факультатив. Пропустить занятия которого было, как бы это сказать помягче, – равносильно прыжку с самолёта, но без спасительного парашюта. Память у нашей Каа (именно такую кличку мы дали нашей училке, в отместку за то, что она обзывала нас, и не без основания – бандерлогами) была превосходная. И отсутствие на факультативных занятиях того или иного вихрастого отрока влекло за собой обязательный опрос бедолаги по пройденному материалу за прошедшую четверть, на очередном уроке литературы. Не знаю, как другие, но лично я бежал на её воскресный факультатив без какого-либо принуждения. Во-первых, мне очень нравилось взрослое малопонятное слово «факультатив».

– Ма, я на факультатив! – кричал я своей маме, на ходу за-

совывая в карман бутерброд с маслом, обильно посыпанный сахаром-песком. По всей видимости, матери тоже нравилось слово из студенческого лексикона. Она молча, тайком крестила меня вслед, по всей вероятности, представляя в этот момент, что провожает меня не в обычную среднюю школу, а уже в самый настоящий институт.

На этих факультативах Марина Александровна никогда не обзывала нас бандерлогами, более того, она к каждому из нас обращалась почтительно – на «вы». На её факультативах мы чудесным образом превращались на полтора часа в милостивых «государей» и «государынь». С головой и ногами погружаясь в удивительную эпоху прошлого века. Произведений Сухово-Кобылинына в школьной программе не было. Но наша учительница сочла необходимым познакомиться нас с его жизнью и творчеством. Воспитанным на произведениях, написанных в стиле горьковского социалистического реализма, нам в те годы трудно было понять страдания каких-то там «недорезанных буржуев» и мироедов-дворян почивших в бозе сто лет тому назад.

Прошли годы. Сбылась мечта моей матери: я окончил институт. Более того, какое-то время преподавал, а сейчас каждое лето заседаю в государственной экзаменационной комиссии, слушаю защиту дипломников. Но в голове, нет-нет да и всплывёт фраза из далёкого факультативного прошлого: «Купчиха-француженка зверски убита в Москве возле известного кладбища».

9 ноября далёкого 1850 года было обнаружено тело женщины лет тридцати-тридцати пяти от роду. Версию убийства с целью ограбления полиция отмела сразу. Так как в ушах жертвы присутствовали золотые серьги с бриллиантами, а на изуродованных руках имелись золотые кольца. В карманах женщины была найдена связка ключей разной величины. В протоколе осмотра тела было отмечено, что вокруг горла убиенной имеется рваная рана размером около трёх вершков. Рядом с телом обнаружен санный след. Изучив который, дознаватели сделали вывод, что экипаж сначала свернул в сторону от близлежащей дороги, а затем повернул в белокаменную.

В результате этого убийства по прошествии нескольких лет была написана известная трилогия – «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина», автор которой и стал главным обвиняемым в процессе по факту смерти вышеупомянутой дамы.

Род Кобылиных был весьма известным в Российской им-

перии и вёл своё происхождение от знатного боярина Андрея Кобылы, стоящего у истоков самой династии Романовых. В имении Сухово-Кобылиных, в селе Кобылинка, Тульской губернии, от отца к сыну передавались старинные семейные реликвии, доказывающие что предки будущего драматурга играли весомую роль ещё при дворе Иоанна Грозного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.